СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Часть I
ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

Глава 1. Ссылки на закон и на завещание 15
Глава 2. От империи к империям: новые основания претензий на власть 36

Часть II
РАСПАД ИМПЕРИЙ: «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Глава 3. Генеалогический фактор 57
Глава 4. Религиозный фактор 103
Глава 5. Региональный фактор 127

Часть III
«СТЕПНЫЕ ИМПЕРИИ» ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИЙ ОСЕДЛЫХ: ИНОСТРАННЫЙ ФАКТОР В БОРЬБЕ ЗА ХАНСКИЙ ТРОН

Глава 6. Попытки установления иностранного сюзеренитета и проблема легитимности иностранных ставленников в глазах собственных подданных 153
Глава 7. Новые основания приобретения власти в период иностранного владычества 176
Глава 8. Национально-освободительное движение как условие претензий на власть 199

Часть IV
САМОЗВАНЦЫ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Глава 9. Категории самозванцев 239
Глава 10. Пределы претензий на власть 264

Часть V
УЗУРПАТОРЫ И САМОЗВАНЦЫ «ОТ ИСТОРИИ»

Глава 11. Узурпаторы и самозванцы в средневековой историографии 277
Глава 12. Узурпаторы и самозванцы в современной историографии 281

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 290
ЛИТЕРАТУРА 294
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 334
SUMMARY 363

ВВЕДЕНИЕ

В «Сборнике летописей» персидского историка и выдающегося государственного деятеля конца XIII — начала XIV в. Рашид ад-Дина, описывается весьма показательный эпизод, ярко отражающий политическую идеологию потомков Чингис-хана. В 1300 г. персидский ильхан Газан (покровитель Рашид ад-Дина) прибыл в Дамаск — город, за который он соперничал с мамлюкским султаном ан-Насиром. Рашид ад-Дин рассказывает, как Газан сумел убедить жителей Дамаска в легитимности своих притязаний на власть над городом:

> Государь ислама спросил их: «Кто я?» Они все воскликнули: «Царь Газан, сын Аргуна, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана». Потом Газан-хан спросил: «Кто отец Насира?» Они ответили: «Альфи». Газан-хан спросил: «Кто был отцом Альфи?» Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама [Рашид ад-Дин, 1946, с. 184] (см. также: [Султанов, 2006, с. 60]).

В самом деле в Монгольской империи, которая к середине XIII в. охватывала огромное пространство на территории Евразии, а затем и в государствах, образовавшихся после ее распада, сложилась политико-правовая традиция, в соответствии с которой только потомки Чингис-хана имели право занимать трон. Несмотря на то что механизмы перехода власти были довольно разнообразны и порой даже противоречили друг другу, сам принцип сохранения верховной власти и ханского титула исключительно в роду Чингисидов долгое время оставался незыблемым. Поэтому правление «золотого рода»[1] в различных государствах Евразии имело, по выражению исследователей, «беспрецедентную продолжительность» — более 700 лет: с конца XII по начало XX в. (см., напр.: [Барфилд, 2002, с. 50])[2].

---

[1] «Золотой род» (Алтан уруг) — распространенный в чингисидской историографии эпитет династии Чингисидов.

[2] Впрочем, сам Т. Барфилд весьма скептически оценивает вероятность действительной принадлежности всех правителей, считавшихся Чингисидами, к потомству Чингис-хана.

История правления потомков Чингис-хана, их борьбы за власть на бескрайнем пространстве Монгольской империи и ее преемников неоднократно привлекала внимание исследователей. Не занимаясь непосредственно вопросами самозванства и узурпаторства, некоторые из них не могли в той или иной степени не затронуть их при изучении проблематики легитимации власти в Монгольской империи и пост-имперских чингисидских государствах. К числу наиболее существенных работ по данной тематике можно отнести работы Т.Д. Скрынниковой, Т.И. Султанова, В.В. Трепавлова, Д. ДеВиза, А. фон Кюгельген, Б.М. Бабаджанова, Т.К. Бейсембиева, не говоря о многочисленных статьях и сборниках работ, опубликованных как перечисленными, так и другими авторами[3].

Исследуя историю этого весьма разветвленного рода, его права и претензии на власть, способы прихода к власти, большинство исследователей не слишком много говорят о случаях покушения на монополию Чингисидов, по крайней мере до второй половины XVIII в., когда представители «золотого рода» были почти одновременно лишены власти в ряде государств. Нельзя сказать, что случаи прихода к власти нечингисидов (а также в ряде случаев и самозванцев, выдававших себя за потомков Чингис-хана) в более ранние периоды вообще не упоминаются специалистами, однако в их работах они предстают как некие случайные «интерполяции» в длительном пребывании у власти потомков «золотого рода». Специальных исследований об узурпаторах и самозванцах, посягавших на властную монополию Чингисидов, насколько нам известно, до сих пор не было.

Это представляется довольно странным, принимая во внимание тот интерес, который во все времена историки питали к разного рода авантюристам, не имевшим права на трон, но рискнувшим бросить вызов легитимным правителям и порой бравшим верх над ними. Тем более что и источники содержат немало сведений о таких претендентах на власть, что дает специалистам прекрасную базу для исследований и анализа.

Поэтому неудивительно, что историография самозванцев и узурпаторов весьма обширна. Так, только в России в последние 200 лет

[3] Среди довольно многочисленных работ, посвященных истории Чингисидов в разных государствах и регионах, можно выделить труд, охватывающий историю практически всех чингисидских династий (за исключением чисто монгольской ветви) на протяжении всего времени их правления [Султанов, 2001; 2006].

был издан целый ряд одних только обзорных трудов о самозванцах и узурпаторах, не считая еще более многочисленных исследований, посвященных отдельным авантюристам: от «Краткой повести о бывших в России самозванцах» конца XVIII в. [Краткая повесть, 1793] до появившихся на рубеже XX–XXI вв. научных и научно-популярных работ (см., напр.: [Баганова, 2010; Корниенко, 2011; Юзефович, 1999]). Появляются работы, посвященные даже философскому и психологическому анализу феномена самозванства [Тульчинский, 1996].

Популярность жизнеописаний самозванцев и узурпаторов вполне объяснима как среди авторов, так и среди читателей. В самом деле история прихода тех или иных государственных деятелей к власти всегда вызывала интерес и профессиональных историков, и любителей прошлого. Если же к власти приходили лица, не имевшие законного права претендовать на нее — самозванцы и узурпаторы, — интерес к их деяниям возрастал вдвойне. Ведь даже вокруг легитимных правителей всегда возникали мифы и легенды, однако большей частью они формировались уже после смерти монархов — в историографии и народной памяти. Лица же, незаконно захватившие трон (или хотя бы претендовавшие на него), изначально создавали вокруг себя мифическое пространство в надежде на то, что оно будет выглядеть настолько реальным, что сделает их правление легитимным, всеми признанным. Наиболее эффективным средством при этом становилась апелляция к закону, к правовым основаниям власти. Толкуя в свою пользу спорные нормативные положения, либо же эффективно используя пробелы и коллизии в праве, значительное число самозваных представителей законных династий и даже узурпаторов, не относившихся к правящим семействам, преуспели в захвате трона, а наиболее удачливые из них даже основали собственные династии. Тогда как проигравшие самозванцы и узурпаторы нередко уподоблялись исчадиям ада и наиболее закоренелым грешникам, что в общем-то вполне логично, ведь историю всегда пишут победители (см., напр.: [Василик, 2012]).

Источники донесли до нас сведения о многочисленных авантюристах, которые выдавали себя за других лиц — законных претендентов на трон. Маг Гаумата, выдававший себя в VI в. до н.э. за сына персидского царя Кира II, самозваные византийские императоры, «фальшивые» Жанны д'Арк и английские короли эпохи войн Алой и Белой Розы, лже-Ричарды и лже-Эдуарды, лица, выдававшие себя за Людовика XVII — сына Людовика XVI, погибшего в годы Великой французской революции.

Не менее богата на самозванцев и история России. В годы Смутного времени (1598–1613) на трон претендовали едва ли не десятки подставных сыновей Ивана Грозного (Лжедмитрии I, II, III и т.д.), его сыновей — Ивана Ивановича и Федора Ивановича, Василия Шуйского... Во второй половине XVIII в. на сцену вышли многочисленные претенденты на трон под именем императора Петра III (самым известным из них, хотя и далеко не единственным, является Емельян Пугачев), а также менее значительные авантюристы вроде «княжны Таракановой». В XX в. и в России, и за ее пределами появилось множество самозванцев, выдававших себя за сына и дочерей бывшего императора Николая II, казненных вместе с ним в 1918 г., либо за их прямых потомков.

По большей части эти самозванцы разоблачались еще до вступления на трон: их арестовывали, судили и казнили, либо ссылали на каторгу или в монастырь. Некоторым (как, например, Лжедмитрию I) удавалось на короткое время занять трон, но, как правило, и их ожидала скорая насильственная смерть. Впрочем, бывали и исключения. Так, некий Сверре (Сверрир), выдавший себя за сына одного из норвежских королей, не только сам правил в последней четверти XII в., но и основал династию, пребывавшую на троне Норвегии в течение всего следующего столетия.

Еще чаще претензии на власть предъявляли лица, даже не пытавшиеся выдать себя за представителей законного правящего рода, вместо этого они открыто делали ставку на собственное политическое влияние в стране, военную силу или же свое огромное состояние. Сегодня таких претендентов принято именовать узурпаторами, в античном же мире и средневековой Италии их называли тиранами — даже если они правили вовсе не с той жестокостью, с которой сегодня мы ассоциируем это понятие: «тираном» назывался любой правитель, захвативший власть с нарушением законов наследования. Такими тиранами были многочисленные правители древнегреческих государств, например, сицилийские Фаларис и два Дионисия — Старший и Младший, десятки так называемых солдатских императоров в Риме II–III вв. н.э. и, наверное, сотни правителей городов-государств в средневековой Италии.

В некоторых странах существовали довольно причудливые формы легитимации власти узурпаторов, в результате чего многие из таких авантюристов признавались законными правителями.

Например, в древнем и средневековом Китае применялась доктрина так называемого мандата Неба. Любой удачливый авантюрист,

сумевший свергнуть предыдущего императора и основать династию хотя бы из двух-трех поколений правителей, признавался в официальной историографии избранником Неба, обладателем его «мандата» и, следовательно, законным правителем. Свергнутый же им законный император (как правило потомок такого же авантюриста, захватившего власть тем же путем) объявлялся лишенным такого «мандата» за свои прегрешения — истинные или мнимые. В результате легитимными китайскими императорами и основателями законных династий становились мелкие торговцы, крестьяне и даже буддийские монахи.

Иной способ легитимации власти узурпаторами применялся в Византийской империи, где на трон нередко вступали представители сановной или военной знати самого различного происхождения — греки, армяне, сирийцы и т.д. Чтобы стать законным монархом, было достаточно породниться с легитимным императорским родом. Такая практика наиболее широко применялась в Византии в эпоху Македонской династии (867–1056). Например, в первой четверти X в. друнгарий флота (адмирал) Роман Лакапин выдал свою дочь замуж за законного императора Константина VII Багрянородного, а вскоре объявил императором себя самого и трех своих сыновей. Спустя примерно полвека полководец Никифор Фока провозгласил себя императором, обосновав претензии на трон своей женитьбой на Феофано — вдове сына Константина Багрянородного, причем он считался соправителем ее сыновей от первого брака, «багрянородных» Василия II и Константина VIII. Несколько лет спустя Никифор Фока был убит еще одним полководцем — Иоанном Цимисхием, который, в свою очередь, женился на дочери Константина Багрянородного и также формально объявил себя соправителем Василия II и Константина VIII.

А как же обстояли дела с легитимацией власти, узурпаторством и самозванством в чингисидских и постчингисидских государствах — империи Чингис-хана, возникшей в начале XIII в., и ее преемников, просуществовавших вплоть до начала XX в. (когда пали Бухарский эмират и Хивинское ханство, и практически все государства на территории бывшей Монгольской империи были реорганизованы по советскому образцу)? Отсутствие достаточного количества источников, сложные, запутанные и не до конца понятые правила наследования власти в этих государствах — все это затрудняет исследование феномена узурпации и самозванства в тюрко-монгольском мире. Тем не менее подробное ознакомление с историческими источниками и рядом специальных исследовательских работ позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, сами потомки Чингис-хана, равно как и их

соперники в борьбе за власть причудливым образом сочетали элементы традиционного, харизматического и рационального господства (в соответствии с терминологией М. Вебера) (подробнее см.: [Крадин, 2004, с. 90–92]), апеллируя к религиозным, генеалогическим и правовым факторам. Во-вторых, попыток узурпации трона и выступлений самозванцев в этих государствах было ничуть не меньше, чем в истории, например, Античного мира, средневековой Европы или мусульманского Востока.

Среди узурпаторов находились как сами представители «золотого рода» Чингисидов, пытавшиеся занять трон в обход правил перехода власти — Тэмугэ-отчигин, брат Чингис-хана, Ногай в Золотой Орде, ряд самозваных ханов Мавераннахра, Казанского и Сибирского ханства, Бухары, Хивы и проч. Другую группу узурпаторов составляли претенденты на верховную власть из числа лиц, не являвшихся потомками Чингис-хана, тем не менее многие из них оказались удачливыми и даже положили начало собственным династиям: бухарские эмиры из династии Мангытов, Инаки (Кунграты) в Хиве, ханская династия Мингов в Коканде и др. При этом в отношении данных правителей очень важно учитывать различие между терминами «легальность» и «легитимность»[4]: многие претенденты на трон (например, Мухаммад-Рахим, первый бухарский правитель из рода Мангытов, или первые хивинские ханы из династии Инаков) приходили к власти легально, т.е. с соблюдением официальной процедуры — избрания на курултае, церемонии интронизации и проч., но при этом в глазах поборников «чингисизма», конечно же, не выглядели легитимными, т.е. законными и всеми признанными правителями, поскольку не принадлежали к роду Чингисидов; аналогичным образом, в глазах подданных тюрко-монгольских правителей сомнительными выглядели права на власть тех потомков Чингис-хана, которые формально также законным образом вступали на трон, но фактически являлись ставленниками иностранных государей-сюзеренов.

Находились и самозванцы, выдававшие себя за Чингисидов. Например, в 1361 г. на золотоордынский трон вступил самозванец, выдававший себя за покойного царевича Кильдибека, в конце XVI — начале XVII в. в Средней Азии действовал целый ряд самозванцев, выдававших себя за реальных или даже вымышленных представителей династии Шайбанидов. В некоторых случаях чингисидские

[4] Соотношение этих терминов уже становилось предметом исследования (см., напр.: [Безкоровайная, 2010]).

правители «становились» самозванцами исключительно благодаря мнению авторитетных историков. Так, например, казахстанский исследователь В.П. Юдин в свое время утверждал, что ни знаменитый золотоордынский хан Узбек, ни целая династия Туга-Тимуридов (потомки тринадцатого сына Джучи, первого правителя Золотой Орды) не принадлежали к Чингисидам. С легкой руки историков XIX–XX вв. самозванцами стали признаваться золотоордынские ханы Кульна и Наурус. Известный исследователь-востоковед середины XIX в. О.И. Сенковский («Барон Брамбеус») заявил о том, что знаменитый основатель бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан также не был Чингисидом. Таким образом, исследование конкретных примеров узурпаций и самозванства в тюрко-монгольских государствах уже представляется весьма захватывающим.

Большинство исследователей, занимающихся историей узурпаторства и самозванства, сосредоточены на изучении конкретных личностей, их политических биографий, что выглядит вполне логичным. При написании настоящей книги нам, безусловно, неоднократно приходилось обращаться к истории жизни и деятельности тех или иных узурпаторов и самозванцев, однако сразу хотелось бы отметить, что мы вовсе не ставили целью представить в нашей книге набор биографий незаконных претендентов на власть, который мог бы быть составлен на основе систематизации разрозненных сообщений из различных источников и отдельных фрагментов исследовательских работ, либо же составление некоей «энциклопедии», включающей сведения *обо всех* незаконных претендентах на власть в тюрко-монгольском мире. Нас заинтересовал сам феномен самозванства, причины появления авантюристов, способы обоснования ими своих претензий и привлечения сторонников.

Таким образом, фактически речь пойдет о специфическом аспекте политико-правовой культуры тюрко-монгольского мира в чингисидский и постчингисидский периоды. Наибольший интерес представляют механизмы использования политических принципов, правовых норм, обычаев и традиций (или их отсутствия), которые позволяли лицам, не имевшим права на трон, все же претендовать на него и нередко добиваться успеха в своих претензиях. Наша цель — найти ответ на вопрос, почему политические обстоятельства и правовая ситуация в том или ином тюрко-монгольком государстве предрасполагала к появлению узурпаторов и самозванцев, какие пробелы в системе власти и законодательстве позволяли им находить лазейки и претендовать на трон в обход действовавших правовых норм.

Конкретные личности в контексте изучения этих проблем будут, таким образом, своеобразными case studies — наглядными иллюстрациями в пользу выявленных тенденций. Также мы не ставили задачу составить энциклопедический справочник узурпаторов и самозванцев в тюрко-монгольских государствах, соответственно, не претендуя на упоминание в работе всех известных в истории этих государств незаконных претендентов на трон. В работе упоминаются либо наиболее яркие, либо наиболее типичные случаи узурпаций и самозванства — по возможности из различных государств и регионов Евразии (территории распавшейся Монгольской империи), чтобы показать однородность процессов и тенденций борьбы за власть в многочисленных чингисидских и постчингисидских государствах. А поскольку каждый претендент на престол мог пользоваться целым набором таких средств, не стоит удивляться тому, что одни и те же лица будут фигурировать в разных главах и разделах этой книги. Кроме того, следует иметь в виду, что в ряде случаев вопрос, являлся ли тот или иной претендент на престол узурпатором или нет, не такой уж однозначный: он мог быть узурпатором в глазах представителей законной правящей династии, но при этом — законным монархом с точки зрения процедуры избрания, т.е. выражения воли подданных, либо законным монархом по происхождению, но узурпатором в глазах государя-сюзерена, не дававшего своего согласия на его приход к власти. В таких услучаях мы специально оговариваем, по какому критерию претендент мог считаться незаконным.

Итак, исследование феномена самозванства и узурпации в тюрко-монгольских государствах для нас является еще одним аспектом в глобальном исследовании политико-правового развития этих государств, а конкретно — его особенностей в кризисные периоды. Источники, содержащие сведения о деятельности самозванцев и узурпаторов дают прекрасный материал для анализа как условий политико-правовых кризисов в этих государствах, так и попыток выхода из них с помощью таких радикальных мер, каковыми, без сомнения, следует признать претензии на власть и трон тех, кто не имел права на них.

Легко будет заметить, что на раннем этапе истории Монгольской империи и чингисидских государств число узурпаторов и тем более самозванцев было относительно невелико. Но по мере их распада и снижения авторитета потомков Чингис-хана появлялись все новые факторы легитимации власти (религиозные, иностранные и проч.), позволявшие все большему и большему количеству авантюристов

предъявлять претензии на ханский трон и на политико-правовое наследие Чингисидов в самых разных государствах и даже отдельных их частях. Соответственно, если в первой части книги мы характеризуем (и довольно подробно) отдельные случаи узурпации престола, то начиная со второй речь идет уже о целых династиях узурпаторов и самозванцев, естественно, каждый конкретный случай в рамках одной работы рассмотреть невозможно. Поэтому автор был вынужден ограничиваться либо характеристикой способов легитимации власти, использовавшихся целыми «узурпаторскими династиями», либо же выбирать таких деятелей, которые наиболее ярко отражали ту или иную тенденцию борьбы за власть.

Следует сказать несколько слов о написании имен собственных в настоящей книге. Автор использовал принятые в востоковедной литературе формы написания имен Чингис-хан, Мухаммад, Сайид-Ахмад. При этом учитывалось различие звучания одних и тех же имен у тюрков и монголов, например, тюркского Тимур и монгольского Тэмур. Иные варианты написания имен конкретных деятелей могут встречаться в цитатах, в которых автор книги сохранял те формы имен, которые использовали авторы цитируемых произведений. В прилагаемом именном указателе имена приведены в той форме, в какой они даны автором книги.

В процессе написания книги автору пришлось столкнуться с рядом сложных и спорных моментов, существенную помощь в разрешении которых, а также в нахождении источников и литературы ему оказали Б.М. Бабаджанов, П.О. Рыкин, Т.Д. Скрынникова, Т.И. Султанов, К.З. Ускенбай, А.С. Эркинов, которым автор выражает глубокую искреннюю благодарность.

Санкт-Петербург,
2012–2015

Часть I

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

В 1206 г. была создана империя Чингис-хана, достигшая своего расцвета к середине XIII в. В этот же период были заложены основы идеологии «чингисизма», закрепившейся в сознании подданных «золотого рода» в течение последующих двух веков как особая, имперская система политико-правовых ценностей. «Чингисизм» представлял собой сложную, комплексную идеологическую конструкцию, включающую политические, правовые, а по мнению некоторых исследователей, даже и религиозные элементы [Юдин, 1992*а*, с. 16]. В рамках настоящей работы нас интересует один из элементов этой идеологии, а именно — монополия на власть членов «золотого рода» Чингис-хана и его потомков.

Глава 1
ССЫЛКИ НА ЗАКОН И НА ЗАВЕЩАНИЕ

Чтобы добиться ханского титула и верховной власти в Монгольской империи и государствах, возникших после ее распада, было необходимо принадлежать к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии и пройти процедуру избрания на курултае [Султанов, 2006, с. 67][1]. Однако представители «золотого рода» (т.е. отвечавшие первому из требований) нередко пытались добиться власти, оспаривая законность избранных монархов, либо же в обход курултая. И таких случаев в истории чингисидских государств было не так уж мало. Многочисленность претендентов и ожесточенная борьба за власть, первые проявления которой имели место практически сразу после смерти Чингис-хана, объясняется тем, что у монголов не было четкого порядка престолонаследия[2]. Некоторые исследователи даже распад Монгольской империи во многом связывают с этой причиной [Бартольд, 2002*а*, с. 147; Чхао, 2008, с. 90–92; Jackson, 1978, p. 193].

Отсутствие установленного законом порядка престолонаследия вовсе не означало, что любой потомок Чингис-хана, пожелавший стать ханом, мог предъявить претензии и получить всеобщее при-

---

[1] Отметим, что ситуация с наследованием власти в чингисидских государствах не была уникальной: аналогичный порядок существовал и в Византийской империи, где даже после того как власть императоров-базилевсов стала передаваться в рамках одной династии, формально сохранялись избрание и официальная церемония инаугурации. Даже в случае, если на престол всходил сын предыдущего монарха, в течение длительного времени являвшийся его официальным соправителем (см.: [Карпов, 2011, с. 52–53]).

[2] Сразу стоит отметить, что за всю историю чингисидских государств лишь очень немногие монархи предпринимали попытки установить четкий порядок престолонаследия, в частности, можно вспомнить примеры золотоордынского хана Узбека и бухарского хана Мухаммада Шайбани, пытавшихся ввести передачу трона от отца к сыну. Кроме того, в ряде случаев подобная передача осуществлялась de facto, без формального закрепления статуса сына как потенциального преемника отца.

знание как законный монарх. Т.И. Султанов на основе анализа многочисленных источников выделяет ряд условий, которые давали тем или иным претендентам из «золотого рода» преференции в борьбе за власть [Султанов, 2006, с. 87–102]. В период единства Монгольской империи — с рубежа 1220–1230-х годов и до второй половины XIII в. — претенденты на трон предпочитали апеллировать к законам Чингис-хана, известным сегодня под названием «Великая Яса», а также к завещаниям ханов-предшественников.

Это выглядит довольно странным, учитывая, что в этот период монгольское имперское законодательство еще только формировалось. Тем не менее монголы (вероятнее всего, под влиянием своих китайских или среднеазиатских советников) очень быстро усвоили преимущества опоры на писаный закон и стали настоящими «позитивистами» (в юридическом понимании этого термина), стараясь обосновывать любые свои действия — даже такие, как разрушение городов, грабеж и резню населения, расправы с политическими противниками — ссылками на те или иные нормы имперского законодательства. В полной мере это проявилось и в борьбе за трон: узурпаторы нередко старались использовать нормы права в своих интересах.

§ 1. Особенности претензий на власть в периоды междуцарствия

Претенденты, ссылавшиеся на нормативно-правовые акты, нередко шли не просто на «субъективное толкование» норм, но и на откровенную фальсификацию. Правда, объективности ради следует отметить, что подобные действия стимулировало уже упоминавшееся выше отсутствие четко разработанного законодательства о наследовании трона, неопределенность и расплывчатость ряда правовых понятий и категорий в монгольским имперском праве.

Узурпация de facto: Тулуй как регент и как претендент на трон. Институт регентства в Монгольской империи и чингисидских государствах был достаточно распространен, несмотря на то что никакого правового закрепления статуса регентов в чингисидском праве не существовало (по крайней мере нам такие правовые акты неизвестны). Фактически сосредоточивая в своих руках власть, равную ханской, регенты тем не менее не являлись полноправными монархами, прекрасно понимая, что рано или поздно им придется отказаться от власти в пользу монарха, выбранного в законном порядке.

Неудивительно, что многие временные правители старались всячески оттянуть избрание монарха и сохранить ситуацию «переходного периода», тем самым оставаясь верховными правителями государства (см.: [Флетчер, 2004, с. 227]).

Строго говоря, в формально-юридическом отношении такие правители не являлись узурпаторами, поэтому в большинстве подобных случаев можно условно говорить об «узурпации de facto», выражавшейся именно в преднамеренном затягивании процесса избрания монарха. И все-таки в некоторых случаях наиболее амбициозные регенты, располагая значительным административным ресурсом, могли рискнуть и пойти на откровенную узурпацию.

На основе имеющихся источников можно выделить три типа регентства в тюрко-монгольских государствах: регенты в переходный период (от смерти предыдущего монарха до избрания следующего); временные правители в период нахождения законного монарха (или наиболее вероятного наследника умершего хана) вне государства; наконец, регенты при малолетних монархах. Известны случаи попыток узурпации — откровенной и фактической — представителей каждой из этих категорий.

Наиболее ответственным, несомненно, являлось регентство в период после смерти предыдущего хана и до избрания следующего. Временным правителем назначался или избирался член ханского рода, достаточно авторитетный и энергичный, чтобы не допустить смуты, нередко начинавшейся после кончины монарха и вместе с тем лишенный чрезмерных амбиций, которые толкнули бы его на окончательное закрепление власти в своих руках. Правда, порой бывало, что изначально соответствовавшие этим требованиям регенты, уже вкусив власти, начинали ею злоупотреблять, стремясь сохранить ее в своих руках.

Так действовал и самый первый регент Монгольской империи, ставший временным правителем после смерти Чингис-хана в 1227 г. — его четвертый сын Тулуй, носивший также титул Еке-нойона, или Улуг-нойона, т.е. «Великого князя». В соответствии с монгольским обычным правом Тулуй являлся отчигином семейства Чингисидов (формально — «хранителем домашнего очага», фактически же — «главой дома и коренного юрта [отца] своего» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]). Коренной юрт Чингис-хана (в монгольской политической традиции — «голун (голын) улус», буквально — «центральное владение» [БАМРС, 2001, с. 429]) включал фамильные владения Чингисидов в Монголии, в бассейне рек Онона, Керулена и Толы, а также и немалые

владения в недавно завоеванном Северном Китае [Трепавлов, 1993, с. 97] (см. также: [Гумилев, 1992*а*, с. 145]). Кроме того, согласно Рашид ад-Дину, Тулую как регенту должны были подчиняться «те из войск, что относились к центру, правой руке и левой руке» — практически все войска Монгольской империи [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 274] (см. также: [Трепавлов, 1993, с. 97])[3]. В результате, Тулуй, при жизни отца бывший на вторых ролях в политической жизни, вдруг оказался во главе огромной империи. Естественно, было бы странным, если бы он не пожелал сохранить свою власть на как можно более долгое время.

Ряд источников донес до нас сведения о властных амбициях Тулуя. Так, Рашид ад-Дин отмечает, что после смерти Чингис-хана

> Тулуй-хан (sic! — *Р. П.*) водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингиз-хана, и воссел [на царский престол] [Рашид ад-Дин, 1960, с. 109].

Вполне вероятно, что в данном случае термин «царский престол» является всего лишь устойчивым выражением и не свидетельствует о властных амбициях четвертого сына Чингис-хана. Однако слова персидского автора подтверждаются еще одним источником — китайской династийной историей «Юань ши», составленной в 1369 г. В биографии Елюя Чу-цая, советника Чингис-хана и Угедэя, первого чжуншулина (канцлера) Монгольской империи, содержится следующее сообщение:

> Тай-цзун (Угедэй. — *Р. П.*) должен был вступить на престол, собрались все [его] сородичи на съезд, но еще не принимали [окончательного] решения. Жуй-цзун (Тулуй. — *Р. П.*) был родным младшим братом Тай-цзуна, и поэтому [Елюй] Чу-цай сказал Жуй-цзуну: «Это — великая забота династии. Надо побыстрее разрешить [ее]». На это Жуй-цзун сказал: «Дело еще не готово. Можно ли выбрать другой день?» [Елюй] Чу-цай ответил: «Пропустите этот— не будет [другого более] счастливого дня» [Мункуев, 1965, с. 188] (см. также: [Султанов, 2001, с. 41]).

Как видим, намерения Тулуя были вполне очевидны: он стремился затянуть, насколько это возможно, проведение курултая, на котором следовало избрать ханом его старшего брата Угедэя, и за это время расположить монгольскую знать в свою пользу [Султанов, 2006, с. 39].

---

[3] В другой части «Сборника летописей» Рашид ад-Дин отмечает, что «юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингиз-хана были в его подчинении» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107].

Интересно также отметить, что тот же Рашид ад-Дин (являвшийся, напомним, помимо всего прочего, еще и официальным придворным историографом монгольских правителей Ирана — потомков Хулагу, сына Тулуя) отмечает, что

> Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: «Эта должность, в которой ты будешь ведать моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, — так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107–108].

Подобное сообщение противоречит вышеприведенному решению Чингис-хана о назначении наследником Угедэя, но в полной мере легитимирует последующий приход к власти потомков Тулуя, которые, как известно, довольно быстро отстранили Угедэидов от власти в Монгольской империи. Вместе с тем нельзя не предположить, что слова, приписанные персидским историком Чингис-хану, могли и в самом деле использоваться Тулуем и его сторонниками в целях сохранения за ним верховной власти и затягивания организации курултая для выборов хана. Таким образом, мы не можем обвинять Тулуя в узурпации трона в полном смысле этого слова: он не предъявлял претензий на трон в обход наследника по завещанию Чингис-хана, не пытался захватить его силой. Однако будучи регентом он допустил именно «фактическую» узурпацию, т.е. попытался сохранить верховную власть в своих руках как можно дольше, пренебрегая своей обязанностью созвать курултай для избрания хана.

Но прошло слишком мало времени после смерти Чингис-хана, чтобы его потомки, родичи и сановники успели утратить пиетет к нему и пренебречь его последней волей, поэтому курултай состоялся, и воля основателя империи не была нарушена: Угедэй стал его преемником[4]. Тем не менее претензии Тулуя на верховную власть не

[4] Интересно, что и сам Угедэй прекрасно осознавал прочное положение Тулуя, что нашло отражение в его словах, произнесенных на курултае, который все же состоялся в 1228 или 1229 г. Рашид ад-Дин излагает этот сюжет следующим образом: «Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингиз-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию, дабы предводители непокорных были готовы служить [тебе] жизнью и дабы дальние и ближние, тюрки и тазики [все] подчинились и покорились [твоему] приказу”. Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом

прошли для него бесследно: брат-хан до конца жизни так и не доверял ему полностью. Ближайшим соратником и фактическим соправителем Угедэя на протяжении всего его правления являлся не Тулуй, а старший брат Чагатай, в отличие от младшего свято соблюдавший волю отца и никогда не претендовавший на главенство в империи[5]. Во время войны против империи Цзинь в Северном Китае Тулуй поначалу возглавлял боевые действия против чжурчженей, однако вскоре Угедэй, несмотря на явные военные успехи младшего брата, сначала отозвал его ко двору, поручив верховное командование полководцу Субэдэй-багатуру, а затем и вообще лично возглавил войска [Бичурин, 2005, с. 113; Рашид ад-Дин, 1960, с. 21; Храпачевский, 2009, с. 164–165, 229]. Когда же Тулуй умер, Угедэй отказывался признавать заслуги брата: после завоевания Китая он даже не намеревался выделить потомкам Тулуя владения на вновь присоединенных территориях и пошел на это только после многократных увещеваний Сорхактани, вдовы брата [Мэн, 2008, с. 33; Россаби, 2009, с. 37–38].

смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший (sic! — *Р. П.*) брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу. Как я воссяду на каанство при его жизни и в их присутствии?" Царевичи единогласно сказали: "Чингиз-хан из всех сыновей и братьев это великое дело вверил тебе и право вершить его закрепил за тобой; как мы можем допустить изменение и переиначивание его незыблемого постановления и настоятельного приказа?" После убедительных просьб и многих увещеваний Угедей-каан счел необходимым последовать повелению отца и принять указания братьев и дядей и дал согласие» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]. Конечно, отказ Угедэя от предложенного ему трона в значительной степенью являлся данью традиции: еще с давних времен монгольские ханы при воцарении должны были вести себя подобным образом, предлагая «более достойные» кандидатуры — так поступал в свое время и сам Чингис-хан, когда ему впервые был предложен ханский титул [Палладий, 1866, с. 93–94; Козин, 1941, с. 137] (см. также: [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 405–406]). Правда, интересно отметить, что при описании обстоятельств воцарения Тэмуджина — будущего Чингис-хана автор «Сокровенного сказания» не упоминает, что он отказывался от предлагаемого ему трона. Лишь впоследствии, когда избравшие его родичи изменили ему, откочевав к кераитскому Ван-хану, Тэмуджин через своих послов укорил их, напомнив, что такой отказ имел место, и у каждого из них был шанс стать ханом вместо самого Тэмуджина.

[5] Обоснованные доводы в пользу фактического соправительства Угедэя как законно избранного хана и Чагатая как главы рода и правителя западного крыла империи приводит В.В. Трепавлов [1993, с. 77–78].

В монгольской имперской и постимперской историографии, однако, Тулуй представлен как воплощение всех добродетелей, активный помощник сначала своего отца Чингис-хана, а затем — и брата Угедэя. Сначала он содействовал отцу и брату в их завоеваниях в Средней Азии и Китае, проявив себя умелым полководцем, а затем — и любящим братом, пожертвовавшим своей жизнью, чтобы спасти брата-хана. Согласно монгольским летописям, а также и сообщению персидского историка Рашид ад-Дина, создававшего свой «Сборник летописей» при дворе персидских ильханов — прямых потомков Тулуя, во время похода Угедэя в Китай местные духи наслали на Угедэя страшную болезнь, у него отнялся язык и он вообще был близок к смерти. Шаманы заявили, что спасти хана сможет только одно — если за него пожертвует жизнью его родственник, и Тулуй, выпив заговоренную воду, скончался, а Угедэй поправился [Палладий, 1866, с. 153–154; Козин, 1941, с. 192–193] (ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 22–24, 107–110]; см. также: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 60–61])[6]. Впрочем, подобные панегирики первому регенту Монгольской империи в монгольской же историографии неудивительны: ведь в Монголии с середины XIII до первой четверти XX в. у власти находились преимущественно его потомки! Трудно не предположить, что трогательная история о смерти Тулуя в качестве искупительной жертвы за венценосного брата — всего лишь более поздняя историографическая попытка «реабилитации» Еке-нойона после его попытки (пусть и не явной) нарушить завещание отца и начать борьбу за трон [Franke, 1978, p. 23–24]. Вероятно, той же цели служит и утверждение Рашид ад-Дина о том, что Тулуй

> большей частью состоял при Угедей-каане и проявил старания в возведении его в каанское достоинство[7],

[6] Л.Н. Гумилев считает версию о «героической смерти» Тулуя реальным фактом [Гумилев, 1995, с. 124]. Из придворных историков монгольских ханов только Алла ад-Дин Джувейни (1226–1283) отмечает, что Тулуй умер из-за пьянства: в последние годы жизни он слишком активно «предавался круговороту чаш вина с утра и до самого вечера» [Juvaini, 1997, p. 549] (см. также: [Россаби, 2009, с. 36]; ср.: [Мэн, 2008, с. 26–27]). Любопытно, что Джувейни писал свою «Историю завоевателя мира» по приказу хана Мунке — сына Тулуя, и тем не менее включил в нее такое сообщение. Вероятно, в глазах Чингисидов пьянство не было таким уж страшным пороком — и в самом деле многие из представителей «золотого рода» известны в истории своим пристрастием к алкоголю (подробнее см.: [Гатин, 2011]).

[7] Зная о позиции Тулуя, нельзя не увидеть некоторого лукавства в вышеприведенном утверждении Рашид ад-Дина [1960, с. 110].

в котором нельзя не усмотреть лукавства придворного историка персидских ильханов — потомков первого регента Монгольской империи.

В заключение стоит отметить, что хотя сам Тулуй и не добился ханского титула, в официальной придворной историографии (правда, создававшейся, как уже неоднократно отмечалось, при его прямых потомках) он фигурирует в качестве монарха: Рашид ад-Дин именует его «Тулуй-хан», а в «Юань ши» он упоминается с храмовым императорским именем «Жуй-цзун» [Бира, 1978, с. 106]. Кроме того, своим примером он создал довольно опасный прецедент, в соответствии с которым появлялось еще одно преимущество в претензиях на власть — правление в «коренном юрте», которое при определенных обстоятельствах могло стать решающим фактором в соперничестве за трон и ханский титул. Именно этот довод впоследствии использовал Арик-Буга — сын самого Тулуя, начав длительную и кровавую борьбу за трон со своим родным братом Хубилаем.

Узурпаторы поневоле: сыновья Гуюка в борьбе за отцовский трон. Следующий переходный период, а с ним и новое регентство наступили довольно быстро — после скоропостижной смерти Гуюк-хана в 1248 г. Формально регентшей стала ханша Огул-Гаймиш, вдова Гуюка — по воле двух наиболее влиятельных в то время в Монгольской империи лиц: Бату, правителя Золотой Орды, и Сорхактани, вдовы Тулуя и правительницы «Коренного юрта». Однако, как сообщают имперские историки Джувейни и Рашид ад-Дин, власть регентши была лишь номинальной, и мало кто ее признавал, не исключая ее родных сыновей Наку и Ходжи, которые сами видели себя правителями и вели себя соответственно, фактически узурпировав властные полномочия.

Надо сказать, впрочем, что некоторые основания для претензий на власть у них имелись. Дело в том, что когда Гуюк был избран ханом, он, после традиционного отказа от власти в пользу «более достойных родственников», соизволил, наконец, принять ханский титул, но поставил следующее условие:

> «Я соглашусь на том условии, что после меня [каанство] будет утверждено за моим родом». Все единодушно дали письменную присягу: «Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119].

Как видим, Гуюк предпринял попытку заполнить пробел в законодательстве о престолонаследии и ввести прямое правопреемство от отца к сыновьям [Султанов, 2006, с. 88]. Однако подобные действия настолько шли вразрез с древними традициями избрания ханов, что формально такая клятва не имела силы, что и вызвало последующее трехлетнее междуцарствие.

Тем не менее Бату и Сорхактани, действуя в собственных интересах, в какой-то степени подтолкнули Наку и Ходжу к фактической узурпации власти. В 1249 г. Бату собрал в своих владениях Чингисидов, нойонов и военачальников, которые обсудили ситуацию в Монгольской империи и решили

> из уважения к сыновьям Гуюка оставить власть в их руках, пока не будет созван курултай [Juvaini, 1997, p. 264].

Ободренные таким решением, Наку и Ходжа вернулись в Монголию, где тотчас создали собственные, практически ханские дворы, стали отдавать распоряжения и даже издавали ярлыки — указы, право издания которых принадлежало исключительно законно избранным монархам [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265]. При этом оба претендента на трон совершенно не учли, что принятое в их пользу решение и их собственные последующие действия противоречили официальному признанию их матери в качестве регентши. Они постоянно конфликтовали с ней в течение всего своего самовольного «правления» — равно как и между собой, и со старшими родственниками, а также с канцлером Чинкаем, мнение которого они должны были учитывать в соответствии с решением курултая 1249 г. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265].

Мы уже высказывали мнение, что признание регентшей слабовольной и неопытной Огул-Гаймиш, а затем и фактическое предоставление аналогичных полномочий ее сыновьям представляло собой целенаправленную деятельность Бату и Сорхактани по дискредитации рода Угедэя и подготовке «общественного мнения» к выдвижению в качестве претендента на трон представителя другой ветви Чингисидов. Сыновья Гуюка в этом смысле полностью оправдали ожидания своих старших родичей [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 50–51].

Тем не менее Наку и Ходжа, даже когда большинством Чингисидов уже была фактически согласована в качестве будущего хана кандидатура их двоюродного дяди Мунке, сына Тулуя, упрямо продолжали цепляться за свои властные полномочия, по-прежнему упирая на обещание, данное участниками курултая 1246 г. их отцу о том, что

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru